

УДК 297.1

DOI: 10.21779/2500-1930-2022-37-3-81–92

Д.А. Гусенова

Актуальные проблемы и основные механизмы противодействия экстремизму и терроризму в РФ: социально-философский аспект

Дагестанский государственный университет; Россия, 367000, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а; gusenowa03111978@yandex.ru

В статье отмечается, что современные политические и социальные процессы, в том числе экстремистского характера, всё меньше носят объективный исторический контекст и всё больше оказываются результатом политических технологий и социальных экспериментов. В связи с этим предлагаются наиболее актуальные направления противодействия экстремизму и терроризму с учётом нормативно-правовых, информационных, социально-экономических и социокультурных механизмов противодействия этому деструктивному феномену.

Не всегда в формулировке самих российских законов и нормативно-правовых актов присутствуют прямые указания на квалификационные характеристики *экстремистский* или *террористический*. Вбрасываемые в общество СМИ ключевые экспрессивные формулировки и сигналы, как правило, дают запрограммированный, устойчивый результат, а именно, схему поведения, которую можно смоделировать и получить ожидаемый итог. Для решения этой проблемы предлагается создание системы информационно-прогностического сопровождения анти-экстремистских и антитеррористических мероприятий.

Ещё одним механизмом противодействия экстремизму и терроризму является пресечение каналов материального обеспечения. В целях борьбы одной из тенденций повсеместно становится создание правового поля для дальнейшего регулирования этого сектора, укрепления системы финансового регулирования, расширения возможностей правоохранительных органов в этой сфере.

Современные методы экстремизма и терроризма носят насильственный характер не только в физическом, но и в психологическом плане, поскольку подобные инструментарии апеллируют не к разуму, не к глубоким знаниям и пониманию, а к чувствам, инстинктам и эмоциям. В этой связи одним из эффективных шагов по противодействию терроризму и экстремизму является задействование комплексной программы по обеспечению духовной безопасности и психологического здоровья граждан.

Ключевые слова: *терроризм, экстремизм, «экономика террора», механизмы противодействия экстремизму и терроризму.*

Введение

В современном обществе экстремизм и терроризм создают реальную угрозу национальной безопасности страны, препятствуя реализации гражданами своих конституционных прав и свобод, угрожая их жизни и здоровью, а также территориальной целостности государства. В качестве факторов, способствующих росту и распространению этих деструктивных феноменов, выступают прежде всего политическая и социальная нестабильность и противоречия внутри страны, создающие благоприятные условия для утверждения социальной напряженности. Усугубляется это и тем, что современные политические и социальные процессы всё меньше носят объективный исторический характер и всё больше оказываются результатом политических технологий и социаль-

ных экспериментов, имеющих отношение к управлению толпой в массовых беспорядках через социальные сети. Всё это требует привлечения в экспертную деятельность широкого спектра нормативно-правовых, информационных, социально-экономических и социокультурных механизмов противодействия экстремизму и терроризму. Понимание истинных причин возникновения, характерных черт и идеологическая составляющая этих деструктивных проявлений позволяют в совокупности наиболее эффективно бороться с этим злом.

Правовые основы и механизмы противодействия политическому экстремизму и терроризму

Одной из трудностей в российской правоприменительной практике является тот факт, что не всегда в формулировке самих законов и нормативно-правовых актов присутствуют прямые указания на квалификационные характеристики *экстремистский* или *террористический*. Однако общественная опасность таких деяний, их квалифицирующие признаки и состав преступлений могут определяться правоохранными органами как идентичные методам и способам достижения целевой направленности, аналогичные экстремистским и террористическим. Поэтому в корпусе правовых механизмов противодействия экстремизму и терроризму следует отдельно выделить анализ причинности совершения уголовных правонарушений экстремистской и террористической направленности с целью их более эффективного раскрытия, расследования и предупреждения.

Помимо конституционных положений, декларирующих базовые ценности прав и свобод человека и гражданина, а также норм, регулирующих территориальную целостность и состав страны, её суверенитет, сюда можно причислить и Уголовный кодекс РФ, который предусматривает уголовную ответственность за преступления против общественной безопасности и общественного порядка, напрямую не квалифицированные как экстремистские правонарушения. В их числе: захват заложника (ст. 206); массовые беспорядки (ст. 212); вооруженный мятеж (ст. 279); диверсия (ст. 281); возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282); посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317); применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318); планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353); публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354); реабилитация нацизма (ст. 354.1) и др. Сюда же можно отнести статьи КоАП РФ, в задачи которого входит декриминализация некоторых менее общественно опасных деяний экстремистской направленности путём выведения их из уголовно-правовой отрасли: возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 20.3.1); публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ (ст. 20.3.2) и др.

К этому можно добавить и различные федеральные законы, которые напрямую не связаны с противодействием экстремизму и терроризму, но при этом регламентируют деятельность органов государственной власти и управления для пресечения этих деяний: «О чрезвычайном положении»; «О политических партиях»; «Об общественных объединениях» и др. Это и международные акты, в том числе, к примеру, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (принята 21.12.1965 г. Резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН) и др. Отметим, что развитие международного законодательства в сфере противодействия экстремизму и терроризму не в последнюю очередь связано с наблюдаемым в отдельных государствах

симбиотическим «сращиванием» экстремистских и террористических организаций с представителями органов государственной власти и местными правящими элитами в векторе взаимоотношений: терроризм – властные структуры. Политическая поддержка является одной из причин живучести и неуязвимости современного экстремизма и терроризма. В связи с этим требуются серьезные и глубокие политические, экономические и финансовые реформы деятельности внутригосударственных и международных организаций.

Основные проблемы и механизмы информационного противодействия идеологии экстремизма и терроризма

Борьба с такими деструктивными явлениями, как экстремизм и терроризм, не может основываться только на уголовно-правовом законодательстве. Трансформационные процессы в современном глобализирующемся обществе, а также развитие ИКТ также негативно сказались на социализационных механизмах интеграции молодого поколения, которое оказалось наиболее уязвимым перед экстремистскими установками, ценностями, моделями поведения, предлагаемыми различными террористическими организациями. Мобильные телефоны и Интернет стали инструментами пропаганды насилия и ненависти для различных экстремистских объединений. Через популярные глобальные сети эти экстремистские движения и террористические группировки активно воздействуют на неокрепшее сознание молодежи, в результате чего ряды вооружённых формирований экстремистского толка постоянно пополняются, создавая угрозы национальной безопасности страны.

В немалой степени эффективность использования ИКТ в пропагандистских целях связана с очевидными преимуществами при коммуникации, которые дают эти технические средства. В содержательном и методологическом плане эти интернет-ресурсы носят агрессивный характер, отличаются хорошо продуманной теоретической базой и широким спектром инструментариев информационно-психологического влияния, манипулирования сознанием пользователей. А географическая разобщённость пользователей позволяет подбирать индивидуальный подход к каждому, что даёт возможность развивать сеть независимых ячеек в виртуальном пространстве, эффективно и мобильно координировать их деятельность, собирать средства, а также вести индивидуальную подготовку к совершению экстремистских провокаций или террористических актов. О важности создания такой комплексной системы может свидетельствовать признание в военной доктрине США в качестве первого этапа любых боевых действий применение информационного воздействия на противника.

Проводимые различными экспертами, в частности Петренко М.В., социологические исследования показывают «наличие огромного информационно-психологического воздействия СМИ на сознание и поведение граждан. СМИ являются одним из важнейших коммуникативных социально-политических институтов, обладающим растущим мобилизационным потенциалом. Экстремистская и террористическая тематика находит свое выражение в ежедневных информационных сообщениях крупнейших печатных, телевизионных и электронных СМИ» [9, с. 58]. Их интенсивность и фрагментарность формируют у аудитории так называемое реактивное медиаповедение как «прогнозируемое реагирование организма на какие-либо внешние факторы, как ответную реакцию на тот или иной раздражитель» [5, с. 62]. Выработка такой модели поведения осуществляется путем привыкания к сообщениям СМИ, и представляет собой простую форму научения, или условного рефлекса. Это своего рода индивидуально приобретен-

ная приспособительная реакция организма, возникающая в результате формирования связи между целенаправленным месседжем и устойчивой реакцией на него. К проявлениям реактивного медиаповедения можно отнести ответную реакцию на конкретное общественно значимое событие; сложившуюся под воздействием СМИ систему паттернов поведения, или подражание трендовым типам поведения; бессознательное копирование навязываемой СМИ модели поведения, продиктованное высказываниями и идеями из СМИ; набор действий человека, которые кардинально меняются после прочтения газеты, просмотра ТВ или Интернета, прослушивания радио; некритичное, одностороннее восприятие информации и отказ от собственной позиции и мыслей.

Вбрасываемые в общество ключевые экспрессивные формулировки и сигналы, как правило, дают запрограммированный, устойчивый результат: этот вид медиаповедения можно смоделировать и получить ожидаемый итог. Здесь можно вспомнить известные формулировки: «Голосуй не умом, а сердцем!», «Хватит кормить Кавказ», «Москва для москвичей» и т. д. Чаще всего подобные технологии используются в политической сфере, поскольку предполагают спонтанную реакцию на эмоциональные заявления некоторых политических лидеров. Иностранные государства порой используют информационное пространство в ходе освещения СМИ террористических угроз, в том числе в целях политического манипулирования массовым сознанием для обеспечения собственных геополитических интересов. Сегодня эти технологии всё чаще используются и в других сферах деятельности «как вирусный медиамаркетинг» [5, с. 63]. Как отмечает Жилавская И.В., этот процесс получил символическое название «посев вируса»: информацией «заражается» подобно вирусу целевая аудитория, становясь его («вируса») ретранслятором среди следующего круга знакомых, которые в дальнейшем выступают в качестве следующих «носителей», передающих на новые аудитории контент. Происходит увеличение аудитории за счет привлечения новых площадок (чатов, соцсетей, блогов) размещения, а наибольшая экспрессивность самой информации гарантирует её быстрое распространение за пределами аудитории. Дополнением к этому является существующая опасность провоцирования СМИ психологически неуравновешенных людей к подражанию известным террористам. В особенности такую опасность несут интернет-издания. Петренко М.В. объясняет значимость СМИ, выводя три особенности воздействия на сознание человека и общества: «Информация носит организованный характер, что способствует ее усвоению; обеспечивается не только информирование населения, но и коммуникация с ним, за счет обратной связи возникает обсуждение содержания информации в разных социальных группах; подача информации через СМИ подчиняется нормам общения, принятым в современном обществе, и способствует утверждению этих норм» [9, с. 58].

Для решения соответствующих проблем представляется необходимым:

во-первых, создание системы информационно-прогностического сопровождения антиэкстремистских и антитеррористических мероприятий, которые предполагают:

- 1) ужесточение законодательства в сфере СМИ с целью воспрепятствования освещению деятельности экстремистов и террористов либо введение рационально и психоэмоционально обоснованных ограничительных мер в освещении уже свершившихся терактов;

- 2) создание телевизионного контента, качественных документальных и художественных фильмов, проведение «круглых столов» и конференций, призванных показать общественности «истинное лицо» экстремизма и терроризма, их деструктивную природу и преступность целей и средств. Очевидна необходимость активного привлечения

СМИ в качестве инструмента влияния на массовое сознание и понимание того, что собой в действительности представляют терроризм и экстремизм, то есть освещение террористической деятельности только с неблагоприятных позиций, вне зависимости от того, чем её пытаются прикрыть и замаскировать, создание положительного образа в СМИ представителей органов государственной власти и правопорядка посредством проведения массовой агитации на положительных примерах. Немаловажную роль в этом сыграет и активная работа (сотрудничество) с представителями традиционных религиозных конфессий и диаспор.

Во-вторых, существуют объективно-субъективные обстоятельства на международной арене, которые требуют от государств принятия неспецифических решений по предотвращению роста экстремистских настроений и террористических угроз на своей территории. Речь идёт о глобальном геополитическом и геоэкономическом противостоянии между суверенными державами и применении в этой борьбе идеологических инструментов, направленных на дестабилизацию внутриполитической и международной обстановки. Практика внедрения в общественное сознание ультралиберальных взглядов или крайне правой националистической и/или фашистской идеологии становится главным инструментом для раскачивания внутриполитической стабильности. А целенаправленное формирование у мирового сообщества образа врага в лице тех или иных государств, например в лице России, Ирана, Ирака, Китая, Северной Кореи и т. д., подрывают доверие к государственным институтам власти со стороны граждан этих стран.

В-третьих, если экстремистские и террористические сайты ещё как-то можно отследить и запретить, то более сложной проблемой представляется «наводнение» Интернета различными материалами, инструкциями, рекомендациями, содержащими информацию, как из подручных материалов быстро и без дополнительных затрат изготовить самодельное взрывное устройство или огнестрельное оружие.

Для решения этой задачи в РФ в закон об информации и массовых коммуникациях были внесены изменения, установившие организационно-правовые механизмы ограничения доступа к ресурсам, содержащим запрещенную информацию. Федеральным законом от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 13.07.2015 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации) предусмотрен Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты, содержащие информацию, распространение которой в РФ запрещено (ст. 15.1). В статье 15.3 Закона об информации предусмотрен механизм оперативного ограничения доступа к информации, содержащей призывы к массовым беспорядкам, экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка. Так, «в 2015 году по требованию Генпрокуратуры РФ был ограничен доступ к 1 тысяче интернет-ресурсов, с почти 7 тысяч сайтов удалена противоправная информация, в том числе о деятельности запрещенных в стране организаций» [6]. Уже в следующем году принятый в 2016 году РФ так называемый «Пакет Яровой»³ обязал операторов

---

³ Пакет Яровой представлен Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О противодействии терроризму“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»; Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и

ров сотовой связи в течение полугода хранить всю информацию о пользователях (звонки, переписку и прочую личную информацию) для оказания помощи правоохранительным органам в поимке преступника.

Социально-экономические и социокультурные механизмы противодействия экстремизму и терроризму

Практика показывает, что ослабление или упадок социально-экономической сферы приводит к совершению большого количества преступлений, в том числе отмыванию нелегальных доходов преступным путем, нелегальному обороту оружия и торговле людьми, финансированию нелегальных неправительственных фондов и т. д., что создаёт условия для финансовой подпитки идеологии экстремизма и деятельности террористических организаций. Это даёт основание говорить специалистам о таком новом явлении, как «экономика террора», содержащем основные признаки экономики, а именно, «различные формы производства, обращения и потребления, опосредующие их финансовые потоки, устойчивые институты (квазиинституты), наличие субъектов экономических отношений» [1, с. 118].

Как правило, основными источниками финансирования экстремистских и террористических организаций являются либо доходы от различных видов преступной деятельности различных транснациональных преступных сообществ и организаций, либо это наличные операции при осуществлении финансирования, либо финансирование под прикрытием некоммерческих и благотворительных организаций. Потому во многих странах мира со стороны правоохранительных органов деятельности благотворительных организаций уделяется самое пристальное внимание. Так, в странах Персидского залива были приняты соответствующие законы и нормативно-правовые акты: в Бахрейне в 2013 году «изданы два королевских указа, вносящих поправки в Закон о сборе средств на благотворительность 1956 года, чтобы ужесточить контроль и наказания за финансирование терроризма» [12], а в Кувейте Законом № 106/2-13 правительство было наделено новыми полномочиями, в том числе касающимися предоставления информации при подозрениях «в финансировании терроризма и возможность немедленного замораживания активов террористов» [12]. Это касалось также и денежных пожертвований в Рамадан. Не случайно на 59-й сессии ООН в 2004–2005 гг. проблема противодействия финансированию терроризма и его проявлениям была обозначена в качестве первоочередной. Существует даже предположение, что «экстремизм следует рассматривать в качестве альтернативного средства приобретения власти и денег» [11, с. 499].

Как известно, финансовые средства, полученные преступным путём, становятся базисом для последующих преступных деяний, в том числе и экстремистского характера. При помощи этих средств члены экстремистского сообщества внедряются в политические структуры государства с целью занятия определённых политических ниш и установления контроля над частью политической и экономической системы страны, оказания давления на чиновников, сотрудников правоохранительных органов, склонения их к совершению определенных коррупционных действий в интересах преступного сообщества и т. д. Близко к этому стоит и угроза сращивания запрещённых экстремистских и террористических организаций с национальной общеуголовной преступностью. В РФ в апреле 2017 г. ВС РФ признал религиозную организацию «Управленческий центр свидетелей Иеговы в России» экстремистской и запретил её деятельность на тер-

---

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности».

ритории РФ, что повлекло за собой преследование его последователей по ст. 2822, 2823 УК РФ [10].

Проблема пресечения каналов материального обеспечения экстремистов и террористов приобретает особую актуальность в современный период, когда появились новые способы финансирования экстремизма посредством использования криптовалюты. В целях борьбы с этим явлением повсеместно создаётся правовое поле для дальнейшего регулирования криптовалютного сектора, укрепляется система финансового регулирования, расширяются возможности правоохранительных органов. В РФ ключевым из таких регуляторов является Росфинмониторинг, проводящий работу по совершенствованию финансовой безопасности страны. В частности, Росфинмониторингом предложен законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия финансированию терроризма и иных противоправных деяний», предусматривающий внесудебный механизм контрольно-надзорных мероприятий по осуществлению контроля транзакций денежных средств и иного имущества. Грудачёв И.В. отмечает, что в этой связи актуальным представляется и создание «системы институционального сопровождения процесса выявления и финансового мониторинга участия кредитных организаций и граждан в противоправных схемах по отмыванию доходов» [3, с. 57] и финансовых операций с преступным капиталом, предусматривающей приостановление подозрительных банковских операций сроком до десяти рабочих дней в качестве меры реагирования на возможные проявления экстремистской деятельности и терроризма, тем самым пресекая их на начальной стадии.

На международном уровне в рамках работы межправительственной организации Международной комиссией по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ), созданной по инициативе G7 для борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма, были разработаны 40 рекомендаций, признанных международным стандартом в отношении финансовых преступлений и впервые опубликованных в 1990 году, пересмотренных в 1996, 2001 и 2003 годах, а в последний раз – в 2012 году. Применительно к российской действительности это также может быть реализовано, в том числе через всестороннее сотрудничество России с ФАТФ и другими финансовыми институтами ООН.

Ещё одним направлением по противодействию экстремизму и терроризму являются набираемые в последние годы силу социальные протесты по поводу усиливающейся миграции, в особенности со стороны неблагополучных регионов Центральной Азии. В отдельных случаях эти «мигрантофобские» настроения провоцируются по причине разгула этнической преступности, а также «отказа приезжих от социальной интеграции в принимающее общество, создания компактных поселений с чужими этнокультурными устоями, в которых местное население видит угрозу собственному укладу жизни» [8, с. 184]. Ввиду этого наблюдаются повсеместный всплеск мигрантофобии, экстремистских и террористических проявлений на почве межэтнической и межрелигиозной ненависти. Здесь следует учитывать российскую специфику экстремистских проявлений, которая бывает двух типов. Во-первых, деятельность незаконных религиозно-экстремистских объединений, связанных с международными террористическими и экстремистскими организациями, их эмиссарами, преследующими военно-политические цели и задачи своих кураторов; во-вторых, реакция на террористические акты со стороны сепаратистов-радикалов и религиозных фанатиков, в результате чего происходят рост и формирование устойчивых националистических настроений, призывающих к совершению преступлений в отношении приезжих мигрантов.

Националистические группировки являются одними из наиболее жестоких в плане применения насилия как средства реализации задач. Так, например, Бондаренко В.Ф. и Старцев Г.В. подметили, что в Австрии, по данным статистики, на одно преступление с применением насилия приходится пять правонарушений в сфере собственности, тогда как у националистических группировок одному имущественному правонарушению соответствует четыре случая применения насилия [2, с. 94]. Преступления на почве этнической, расовой и религиозной ненависти являются наиболее резонансными во всём мире. Сложная ситуация в этом плане складывается в Украине, Бельгии, Латвии, Литве, Франции. В 90-х годах и в начале 2000-х столь же тревожной была обстановка и в России. Зачастую подобные националистические экстремистские группировки имеют политическую и финансовую поддержку третьей стороны в лице некоего государства, что даёт основание об утверждении в мировой политике «двойных стандартов».

Ещё одно направление борьбы с экстремизмом и терроризмом – так называемая «деофшоризация» экономики страны. По этому поводу Гурба В.Н. отмечает, что «современная экономическая система предлагает такой экономический феномен, как офшорные зоны, в которых создаются условия, позволяющие инвесторам избегать законодательных и налоговых требований национального государства. По некоторым оценкам, через эти зоны ежегодно проходит более половины международных финансовых активов» [4, с. 115]. Офшорные сети непрозрачны и потому с развитием информационно-коммуникационных технологий прогнозируется увеличение финансового потока от различных террористических «серых» зон, создаваемых прежде всего наркотрафиком, торговлей оружием и людьми. Для существования подобных «серых зон» необходимым условием являются преобладание здесь неформальной экономики, бедность и незащищенность населения от произвола и рэкета. Вся эта тесная увязка экстремизма, терроризма и теневой экономики, как отмечает Гурба В.Н., требует от государства не только разработки действенной системы отслеживания и контроля за финансовыми потоками, но и оздоровления экономики в целом [4, с. 117].

Психолого-педагогические и духовные механизмы противодействия экстремизму и терроризму

Современные методы экстремизма и терроризма носят насильственный характер не только в физическом, но и в психологическом плане, поскольку подобные инструментариумы апеллируют не к разуму, не к глубоким знаниям и пониманию, а к чувствам, инстинктам и эмоциям. Отрицанию подвергаются при этом и причинно-следственные связи в окружающей действительности, жизни и истории, влияя на психологическое здоровье и духовные ориентиры граждан. В этой связи одним из эффективных шагов по противодействию терроризму и экстремизму является задействование комплексной программы по обеспечению духовной безопасности и психологического здоровья граждан.

Духовная безопасность должна ориентироваться на обеспечение доступной информацией о деструктивной сущности экстремистских и террористических объединений, о применяемых способах манипуляции сознанием людей и наносимом ущербе. К числу наиболее действенных механизмов, определяющих тактическое содержание и отдельное стратегическое направление оказания противодействия терроризму и экстремизму, можно отнести: 1) государственный контроль за деятельностью религиозных общественных организаций и движений; 2) проведение различных профилактических

мероприятий на государственном уровне, в том числе информационно-разъяснительной и просветительской работы с населением, подготовка высококвалифицированных кадров в сфере противодействия идеологии религиозно-политического экстремизма и терроризма и т. д.; 3) прямое (грантовое) финансирование неправительственных организаций на исследования в области противодействия терроризму и экстремизму с целью системного охвата проблемы; 4) проведение совместной работы органов государственной власти и местного самоуправления с неправительственными, религиозными организациями для разработки единой политики в системе противодействия терроризму и религиозному экстремизму.

Экстремизм не может быть только политическим или религиозным. На его возникновение влияют возрастные, психологические, воспитательные и другие факторы. Экстремизм в молодёжной среде является иногда проецируемым на общество юношеским максимализмом, когда у молодого человека его цели, социальные ожидания, стремления не реализуются и не находят поддержки в обществе, а социальные лифты не работают. В этом случае экстремистская деятельность становится инструментом подрыва стабильности той общественной структуры и политических институтов, которые препятствуют, с его точки зрения, развитию.

Можно проследить определённые фазы перетекания юношеского максимализма в экстремистскую деятельность. В начальной латентной фазе существует склонность уходить в крайность, которая не очевидна для окружающих и не воспринимается как психологическая проблема для самого человека. На данном этапе в профилактических целях ещё возможно привлечение психолога или психотерапевта для принятия психокорректирующих мер. На второй фазе наблюдается развитие очевидной склонности к экстремизму на бытовом уровне, и здесь набор инструментариев для профилактической работы значительно меньше. На третьей фазе общество имеет дело с деструктивной личностью, чьё поведение может квалифицироваться с точки зрения закона как экстремистское.

Для решения этой проблемы на законодательном уровне с применением психологических приёмов и методик может быть изменена психология восприятия закона. Экономические меры противодействия должны включать в себя задачи развития производства, укрепления финансовой системы, снижения уровня инфляции и т. д., поскольку существует глубокая психологизированность социально-экономической сферы деятельности. Для обеспечения социально-экономической безопасности молодёжи, тесно связанной с их психологическим ощущением безопасности, необходимо снижение уровня социального расслоения общества, укрепление семейных устоев и т. д.

Следует иметь в виду и то, что при вступлении в экстремистскую и террористическую группировки личностью порой движут ее потребности. Важно понимать также причины идентификации с экстремистской группой, структуру базовых социальных потребностей, наличие у молодых людей взаимно исключающих целей, приводящих к внутриличностному конфликту, и т. д. К таковым мотивам и потребностям, «выталкивающим» молодёжь из социума в сторону маргинальных экстремистских групп, Кострубяк Н.Д. относит: 1) тяжелые условия жизни, отсутствие средств к существованию; 2) значительное расслоение общества, как внутри страны, так и в регионах мира; 3) искаженное восприятие действительности, запускающее «механизм формирования образа «врага» или «козла отпущения», ... эскалацию насилия как ответную реакцию на угрозу» [6]; 4) потребность в самореализации, в принятии независимых решений в отношении своей жизни, в свободе и достижении счастья; 5) потребность в социальном

признании и уважении со стороны других групп в отношении собственных групповых ценностей, социальной идентичности, этнического, религиозного или культурного группового членства. Вовлекаемая в ряды деструктивных групп такая нереализованная личность получает возможность проявить свою решительность, подкрепить самооценку, занять социальную нишу и почувствовать себя востребованной.

Ещё одним направлением психологического противодействия идеологиям экстремизма и терроризма является проблема идейной убеждённости личности в правильности своих идей по переустройству общества, уверенности в том, что своими действиями она несёт мир и добро. Такой подход во многом вызван попыткой героизации террористов, самоутверждении личности, преодоления собственной ущербности и ухода из состояния отчуждённости. В этом случае в основе экстремистской и террористической деятельности лежит стремление разрушить прежние общественные устои и принципы и внедрить, навязать собственные, применяя насильственные способы борьбы (теракты, захват заложников, погромы). Не редки случаи, когда экстремистами и террористами оказываются социопаты.

Заключение

В современных условиях назрела потребность в создании системы мероприятий профилактического плана по искоренению экстремистских идей в молодёжной среде. Необходимы вовлечение в работу с молодёжью образовательных организаций и специальных служб при них с целью выявления на ранних этапах деструктивного поведения и индивидуальный подход к каждому такому обучающемуся. Это требует квалифицированного подхода к своей работе психологов, педагогов, социальных служб, уполномоченных органов. Предполагается, что мероприятия должны быть направлены на решение воспитательных задач, формирование патриотических настроений, толерантности, гражданской идентичности, антикоррупционного поведения и неприятия экстремистских идей. По этим вопросам существует государственная политика, согласно которой, в соответствии с ФГОС и программой «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года», образовательные организации составляют специальный план по противодействию идеологии терроризма и экстремизма на учебный год, который должен иметь комплексный и системный характер. В плане отражаются следующие направления: «Просветительская деятельность с детьми»; «Просветительская деятельность с родителями»; «Организация информационного пространства»; «Мероприятия»; «Межведомственное сотрудничество» и т. д. Такие мероприятия в образовательных учреждениях должны быть построены по принципу возрастной адекватности и социальной зрелости для восприятия подобной информации, способствовать критическому анализу подростком тех или иных ситуаций, показать разрушительность экстремистских идей, противоречащих нормальному развитию общества, а также потребности человека в ощущении безопасности.

Литература

1. Анищенко В.Н., Хабибулин А.Г. Противодействие терроризму: международно-правовые аспекты // Мир политики и экономики. 2016. № 2. – С. 116–127.
2. Бондаренко В.Ф., Старцев Г.В. Социально-экономическое противодействие стимулированию экстремизма и терроризма. // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. – С. 91–95.

3. Грудачёв И.В. О повышении эффективности противодействия финансированию экстремистской деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. 2021. Т. 11, № 2. – С. 55–67.
4. Гурба В.Н. Экономические и финансовые условия существования терроризма // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Сер.: Социально-экономические науки. 2010. № 1. – С. 111–123.
5. Жилавская И.В. Медиаповедение личности. Материалы к курсу: учеб. пособие. – М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2012. – 91 с.
6. Кострубяк Н.Д. Психолого-правовая характеристика терроризма и его структура // Интернет-журнал «Мир науки». 2016. Т. 4, № 1. – Режим доступа: <http://mir-nauki.com/PDF/26PSMN116.pdf>
7. Костылёва Т. Генпрокуратура за год заблокировала около 1 тыс. сайтов за экстремизм / D-Russia.ru 24.03.2016. – Режим доступа: <https://d-russia.ru/genprokuratura-za-god-zablokirovala-okolo-1-tys-sajtov-za-ekstremizm.html?ysclid=lapglhk7tx201544795>
8. Меркурьев В.В., Ульянов М.В. Стратегия противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации: состояние, проблемы и перспективы // Известия Юго-Западного государственного университета. 2016. № 2 (65). – С. 182–194.
9. Петренко М.В. Роль современных СМИ в борьбе с террористическими угрозами // Научное обозрение. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2017. № 4–5 (август–октябрь). – С. 56–63.
10. Решение Верховного Суда РФ от 20.04.2017 № АКПИ17-238 от 20 апреля 2017 г. № АКПИ17-238 / Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20042017-n-akpi17-238/?ysclid=lap55700di885444014>
11. Фролова Я.Н. Противодействие финансированию экстремизма как фактор обеспечения экономической безопасности // Actual scientific research 2018: материалы XXXVII Международной научно-практической конференции. – Астрахань: Науч. центр «Олимп», 2018. – С. 497–501.
12. Celina B. Realuyo. Combating Terrorist Financing in the Gulf: Significant Progress but Risks Remain / The Arab Gulf States Institute in Washington. January 26, 2015.

Поступила в редакцию 8 августа 2022 г.

UDC 297.1

DOI: 10.21779/2500-1930-2022-37-3-81–92

Current Problems and the Key Mechanisms of Countering Extremism and Terrorism in the Russian Federation: a Socio-Philosophical Aspect

J.A. Gusenova

Dagestan State University; Russia, 367000, Makhachkala, M. Gadzhiyev st., 43a; gusenowa03111978@yandex.ru

The article notes that modern political and social processes, including those of an extremist nature, are less of an objective historical context, and more the result of political technologies and social experiments. In this respect the most relevant directions of countering extremism and terrorism are proposed in the article, taking into account the regulatory, informational, socio-economic and socio-cultural mechanisms for countering this destructive phenomenon.

Russian laws and regulations do not always have the direct characteristics of "extremist" or "terrorist". The key expressive formulations and signals used in the media usually give a programmed, stable result namely a pattern of behavior that can be modelled to get the expected result. To solve the corresponding problem it is proposed to create a system of information and prognostic support for anti-extremist and anti-terrorist measures.

Another mechanism for countering extremism and terrorism is cutting off the channels of financial support for extremist and terrorist groups. One of the global trends is the creation of a legal framework for further regulation of this sector, strengthening the financial regulation system, and empowering law enforcement.

Modern methods of extremism and terrorism are violent not only physically, but also psychologically since they appeal to feelings, instincts and emotions rather than reason and knowledge.

In this regard, one of the effective steps to counter terrorism and extremism is to launch a comprehensive program to ensure the spiritual security and psychological health of citizens.

Keywords: *terrorism, extremism, "terror economy", mechanisms of countering extremism and terrorism.*

Received 8 August 2022